

ЗОЯ ГОРЕНКО

Озаряется тайна былого...

* * *

Люблю, когда тепло и чисто,
И в комнате погашен свет,
От печки отблески — как листья,
И мне всего семнадцать лет.

Усталость клонится к ресницам,
И я от всех дорог вдали

Припоминаю руки, лица,
Улыбки, запахи земли.

И, как в убежище беглянки,
Идут ко мне мои мечты.
А на столе в стеклянной банке
Цветут осенние цветы.

ГОРЕНКО Зоя Ивановна родилась незадолго до пуска первого спутника земли на Слобожанщине (Харьковская область), в селе Шейковка Изюмского района. В Изюме находится тот самый холм, за которым некогда скрылась от полка Игорева Русская земля. Воспитывалась в сугубо крестьянской семье, на степных просторах. С детства отличалась пристрастием к чтению, чему способствовала бабушка Марфа. Училась в сельской восьмилетке, потом в районном центре (на то время пос.Боровая). После 10 класса работала в районной газете «Трудовая слава», где были опубликованы первые стихи. После двух лет стажа поступила в Киевский госуниверситет на факультет журналистики, где продержалась два года. А затем отправилась в добровольную ссылку в Сибирь, где и осталась. Работала в многотиражных газетах «Маяк» и «Электротехник» (Ангарск), в радиоредакциях Слюдянки и Байкальска, два сезона в Сосновской геологической экспедиции в качестве повара, один сезон — проводницей на теплоходе «Сибирь», курсировавшем по маршруту Иркутск–Братск. Семь лет отдала Областному радио в разных редакциях. Благодаря ВГТРК получила квартиру в 1991 году, как раз накануне ГКЧП. В мятежные годы вела радиопрограмму «Благовест», работала в газете «Земля», основанной Геннадием Русских, в пресс-службе Иркутского казачьего войска. Потом были журнал «Русская сила» и газета «Родная Земля». Это был самый плодотворный журналистский период. Были написаны сотни корреспонденций. После закрытия «Родной Земли» снова последовал тяжелый период с попытками создать новую сельскохозяйственную газету. Не получилось! Работая в «Родной Земле», сотрудничала с известным ученым-филологом Галиной Афанасьевой-Медведевой. Стихи публиковались в журнале «Сибирь», антологии иркутской поэзии. Автор книги стихов и прозы «Небо рядом» (Иркутск, 2018). Живёт в Иркутске.

Степь

Лежит передо мною степь
Чернее самой чёрной ночи —
Не отличишь грача от кочки —
Но где же здесь унылый цвет?

Где привкус сказочно-зловещий —
Надёжный признак черноты?
Одна сияющая вечность!
И завтра мне по ней идти...

Колхозницы

Возвращаются с работы —
Не узнать иных совсем:
Пылью, влажною от пота,
На руках десятки схем
Уложились. Вьелись, впились.
И теперь поймёшь не вмиг,
Где тут просто с кровью жилы,
Где тут долго нужно мыть...
Да едва ль отмоешь это —
Землю, вросшую в ладонь,

Если завтра на рассвете,
С петухом стряхнувши сон,
Вновь спешить туда же — в поле,
Вновь на сеялке стоять
В тучах пыли. Лучшей доли
Позабыв себе желать.
...А когда такой пригожей,
Золотой от спелой ржи,
Станет степь, — и спеть, быть может.
С песней, верно, легче жить.

Стихи районной газетчицы

Позабудем сегодня, чем дышит
Этот маленький бедный район:
Кто-то вновь в победители вышел
И медалью за то награжден.
Новый метод в неновой работе
Применил комсомольский отряд,
Сделан вылет сельхозсамолета,
На конюшне прибили плакат.
Два парторга за мудрость в советах
Разделили успех на двоих,
В детском садике граждане дети
Научились приветствовать их.

Позабудем сегодня про это...
В тишине за бутылкой вина
Разгадаем, какого же цвета
Престарелая краля-Луна.
Помечтаем, с кого Боттичелли
В звездный час свой Венеру писал.
Вспомним скрип наших детских качелей
И любившие нас чудеса.
Чистоты-то какие вершины!
Ах, какой изумительный взор!
...На дороге буксует машина
И ругается матом шофер...

После практики

Вернёмся в Киев, Киев, Киев!
Всё до копейки промотав,
И в дебри цепкие людские
Залезем, как рука в рукав.

Огню и в море, и на суше
Подольше хочется гореть.
Возможно, дождь его потушит,
Но, и весьма возможно, нет.

И задыхаясь, негодуя,
Стараясь выбраться на свет,
Весьма возможно, пропаду я,
Но и, весьма возможно, нет.

Встречай нас, древний город Киев,
И снова мудрствуя, лукавь.
Густые заросли людские,
Примите в тесный свой рукав...

* * *

Видишь, тени зажглись и остыли
На домах, на деревьях, на мне...
И задумался город постылый,
Догорев в предвечернем огне.

Не гремели в кафешках там-тамы,
Не скрипели оконные рамы,
Все затихло, ушло на покой
Под давлением ночи литой.

Только я в тишине нереальной
Всё хваталась за образ фатальный.
«Жизнь прекрасна,
прекрасна», — вертелось
В воспаленном мозгу, и опять...
Будто медленно пуля летела
И меня не умела догнать.

* * *

Я отпускаю все твои грехи,
И сразу так становится отрадно.
Как будто сроду не было своих.
И будто в жизнь не приходилось падать.

Не приходилось обижать родных
Небрежным словом и угрюмым видом,

И оставлять их по ночам одних.
А утром снова наносить обиды.

Нет всепрощенью никаких помех.
И я и ты, и оба мы с тобою
Имеем общий перед миром грех —
Любить себя и мучиться собою...

Дыхание

Земля вздохнула глубоко и мощно,
От черной пашни взвился белый пар,
Он хлынул в яр, полился щедро в рощу,
Поднялся облаком, и дождиком упал.

Сверкает грач и перьями, и глазом,
Разыскивая глупых червячков.

Он черен весь, он весь с землею связан,
И в то же время ввысь лететь готов.

Дыши, земля, размеренно и чисто,
В начале торжествующего дня.
Простая человеческая пристань,
Беспечно приютившая меня.

* * *

Так далеко, где только память
Мгновенно может побывать,
Живет моя седая мама
В убогой хате с образами,
Где у крыльца растет трава.
Там верба длинными руками

Трясет в колодец белый пух...
И достает седая мама,
Переводя устало дух,
Ведро холодной, глубочайшей,
Живой, искрящейся, святой Воды.
Возьмет ведро, как чашу,
Шофер проезжий молодой,
Поднимет радостно над грудью
И припадет горячим ртом.
...А я присутствовать не буду
На причащенье дальнем том.

* * *

Когда-то: уехать, уехать!
Уплыть, убежать, улететь!
И мира огромного эхо
Стократно гудело в ответ.

Туда, где июньскою вишней
Горчит и беда, и вода.
Где ласточка кормит под крышей
Детеньшей вечных... Туда,

Теперь — не успею проснуться,
Теперь — без надежды уснуть:
Вернуться! Вернуться! Вернуться!
Коснуться, потрогать, взглянуть.

Где Родины стоны и звоны
Такое разбудят во мне,
Что эхо столетий потонет
В бездонной его глубине.

* * *

Отремела посмертная слава.
Оседают над павшими пыль.
Я иду по нескошенным травам,
Собираю полынь-чернобыль.

Боже правый, по всей Украине
Как же много еёросло.

Набираю мешки и корзины,
И ношу, и ношу за село.

Вырываю, и вновь вырастает...
А над полем, где жайворон стих,
Одинокая вечность витает,
Всё детей собирает своих.

В Фастове

Тая Одриной посвящается

...И были дни бездонные, как в детстве,
Вокруг гудели пчелы и шмели.
Мы шли и шли, наверное, лет двести,
Траву в корзинках кроликам несли.

И бремя жизни весело нести,
Когда, как прежде, Солнце — бог Ярило.

Мы шли и шли, и тихо говорили
О том, как замечательно идти,

Мы шли и шли, и всё нам было мало,
И всё еще не отцвели сады.
А за плечами небо трепетало,
Искромсанное знаками судьбы.

Жимолость

Где жимолость глядит на дно оврага
Туманными глазницами очей,
Прямая и тревожная, как шпага,
Лежу я на мосту через ручей...

Созвучиями, полными значенья,
Природа всё соединяет в грусть:
И ритмы сердца, и ручья течение,
И синий-синий жимолости куст.

Но вот деревья разом закачали
Свои стволы, и птицы взмыли ввысь —
Туда, где Бог. И все мои печали
Восторгом с ними в небо унеслись.

Жизнь. Милость. Дар...
Какой ещё подмоги
Нам жаждать там,
где целый свет — родня.
Мою судьбу во всём доверив Богу,
Ты прав, мой друг. Не бойся за меня.

Обретение

Отступило, пропало, исчезло
Окружавшее душу мою,
Раскололся мой панцирь железный,
Я рождаюсь! Я мир узнаю!

Озаряется тайна былого,
И грядущего тайна светла.

Это Матьер Нетленного Слова
Над моими грехами взошла.

Это в мире немолкнувшей битвы
Засиял огонечек свечи.
Жить хочу. Не мечтой, а молитвой.
Ты молиться меня научи...

Путник

1

Все дороги завалены снегом,
И долины забиты туманом,
С черным небом сливаются горы.
...Я не вижу пути своего.

Не мерцает звезда на востоке.
В море мутные волны застыли,
Отвернулись деревья от солнца.
Я не вижу пути своего!

2

Вешний снег на дорогах растаял,
И туман по оврагам растаял,
И вершины очерчены синью,
И сверкает звездой восток.

И деревья предчувствуют солнце,
И свои распускают листочки,
И взлетают прозрачные волны.
...Но мои не прозрели глаза.

Над землей незакатное солнце!	И цветет в моём поле бессмертник
И сияние в каждой травинке!	Золотой, золотой, золотой!
В каждом малом древесном сосуде,	Говорит со мной вешнее море!
В каждом малом сосуде моём!	Мне поют запредельные дивы!
Мои соты наполнены мёдом!	И глаза мои видят сквозь камень!
В моих гнёздах рождаются птицы!	Но... не вижу пути своего...

Возьми Покров

Толкались, спорили, кричали,
Хотели есть, хотели пить,
Хотели что-нибудь купить,
Хоть чем-нибудь, да торговали.

И лишь юродивый, как водится,
Свою рубаху в клочья рвал,
И даром людям раздавал:
— Возьми с Покрова Богородицы.

Возьми, укройся, скоро стужа.
Замёрзнешь, околеешь в луже.
Прикрой свой стыд, открой глаза:
Уже разверзлись Небеса!

Возьми Покров...

Вера

Гнилой перекосившийся порог,
В деревне грязь, и мрак, и запустенье...
Скажи мне, бабушка,
Что дал тебе твой Бог?
Перекрестившись, молвила:
— Терпенье...

* * *

К Байкалу выйду, небом задохнусь.	И на пригорке неуёмный гусь,
И вдруг, как дождь, откуда-то нахлынет:	И панычи, и мальвы возле тына...
Степное марево, и запахи полыни,	Далёкая возлюбленная Русь,
И дикой груши сумасшедший вкус.	Которой дали имя Украина...